

Е. Бернет

Черный гость

Е. Бернет
Черный гость

«Public Domain»

1850

Бернет Е.

Черный гость / Е. Бернет — «Public Domain», 1850

«Сильный стук в дверь прихожей заставил Ивана Ивановича Росникова болезненно вздрогнуть. Не мудрено: поздняя пора ночи, размышления в тиши и одиночестве, несколько чашек крепкого чая, опорожненные им одна за другою в продолжение вечера, чад от сигар, которых он превратил в дым и пепел целую дюжину, – повергли его в какое-то неестественное, напряженное, раздражительное состояние. Жилы на висках его бились, сердце мучительно трепетало, а воображение было настроено к восприятию чего-то неожиданного и странного...»

Содержание

I	5
II	8
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Е. Бернет

Черный гость

I

Сильный стук в дверь прихожей заставил Ивана Ивановича Росникова болезненно вздрогнуть. Не мудрено: поздняя пора ночи, размышления в тиши и одиночестве, несколько чашек крепкого чая, опорожненные им одна за другою в продолжение вечера, чад от сигар, которых он превратил в дым и пепел целую дюжину, – повергли его в какое-то неестественное, напряженное, раздражительное состояние. Жилы на висках его бились, сердце мучительно трепетало, а воображение было настроено к восприятию чего-то неожиданного и странного.

Иван Иванович хотел было кликнуть своего слугу, чтоб приказать ему справиться о причине стука, но слуга его, Герасим, так громко храпел в кухне, что не подавал никакой надежды на возможность скорого пробуждения. Подумав немного, Росников решился идти в переднюю сам.

– Кто там? – спросил он нетвердым голосом, положив руку на железный крючок, замыкающий дверь. Ответа не было.

Он намеревался уже воротиться в свой кабинет, полагая, что ему почудился стук, как над самою его головою раздался такой пронзительный, настойчивый звон колокольчика, что Иван Иванович вздрогнул сильнее прежнего, торопливо сбросил крюк и отворил дверь в сени: прежде нежели успел он оглянуться, скользнуло оттуда, вместе с морозным ветром, что-то высокое и черное, шаркнуло по темной гостинной и скрылось в кабинете.

Захлопнув наскоро дверь, Иван Иванович бросился опрометью вслед за странным явлением. В кабинете, в облаках табачного дыма, на одном из кресел расположился уже капуцин в черной маске. Хотя бесчисленные складки плотного, блистающего атласа и висели на широких и сухих плечах его, словно кардинальская мантия на вешалке, но, говоря правду, прекрасный черный цвет его удивительно гармонировал с желтою шерстяною материею кресел, и вообще положение капуцина было так небрежно и грациозно, перчатки его так удачно обнаруживали стройную, продолговатую руку, острый носик и клинообразная борода маскировала такое веселое, ироническое выражение, что на этого гостя нельзя было довольно налюбоваться.

– Что за мистификация? – спросил Иван Иванович, став перед капуцином.

– Никакой, – отвечал тот, подняв голову и устремив на хозяина живые, сверкающие глаза. – Сегодня маскарад, и я замаскирован.

– Но, милостивый государь, – возразил Росников сухо (голос гостя показался ему совершенно незнакомым): – здесь моя квартира, а не зала Дворянского Соборания.

– Я сейчас оттуда. Стечение публики необыкновенное. Очень весело. У выхода такая давка, что я не мог дожидаться шубы и прибежал сюда вот в этом талареи, без шляпы. Хорошо, что ваша квартира почти подле; иначе я мог бы схватить простуду. Скажите, пожалуйста, отчего вы не в маскараде?

– Скажите мне лучше наше имя, – произнес Иван Иванович прежним тоном.

– К чему это? Я ведь не пришел занимать у вас денег, свататься за вашу кузину или представляться вашей жене; да у вас и нет ничего подобного. Особенно потому, что вы холосты, приглашаю вас в маскарад и ручаюсь вам в занимательности нынешней ночи. Поспешим. Уже первый час в исходе. Время дорого: не издерживайте его на пустые вопросы.

– Помилуйте! – отвечал с досадою Росников, – если б я, против своих привычек, и имел хотя малейшее желание быть сегодня в маскараде, то пока окончу туалет...

– Маскарад кончится, – подхватил гость. – Поэтому и по многим другим причинам вы наденете домино и маску.

– У меня их нет, – возразил Иван Иванович, желая чем-нибудь отделаться, – а будить старого моего Герасима и посылать за ними из пустой прихоти, не соглашусь я ни за что в свете.

Он не договорил еще этих слов, как находчивый гость прыгнул, словно кошка, с кресел, вмиг сбросил с себя черную свою мантию и начал ее надевать на Ивана Ивановича. – Этот костюм шит будто нарочно для вас, – лепетал он скороговоркою, застегивая крючки и завязывая ленты.

Ивана Ивановича особенно удивило то, что на безотвязном приглашателе в маскарад оказался другой капуцин, но уже фиолетового цвета.

– Я сегодня не брился, – начал опять Росников, все еще упорствуя, как бы остаться дома. – Я ни за что без маски не поеду.

В одно мгновение гость сорвал с себя маску и, очутясь в другой, ярко-огненного цвета, подал первую Росникову.

– Что за чудеса! – вскрикнул он, – на вас еще маска!

– У каждого из нас их несколько. Впрочем, мысль эта стара и вполне развита другими – не стоит распространяться. Лучше позвольте помочь вам.

Тут проворно приложил он к лицу Ивана Ивановича черную личину, дернул сзади шнурок, и она облепила его щеки так плотно, как знаменитая историческая железная маска.

– Но я, право, еще не решился, ехать мне или нет, – повторял в раздумьи Росников, дергая атласную свою бороду.

– Решитесь после, а теперь – в путь! – возразил веселый капуцин. – Позвольте вам предложить дружеский совет: действуйте в эту ночь как можно смелее и самостоятельнее, отложив на время поэтические мечты о добрых и злых гениях. Ваш средний рост, тонкий стан, данное вам при крещении имя составляют общую принадлежность многих в столице. Все это очень счастливая и забавная случайность. Вероятно, вам хорошо известна история о великом раввине?

– О каком раввине?

– О том, который был так мудр, что на все вопросы давал только один ответ, гм! Вы меня понимаете?

– Нисколько.

– Поймете после, а теперь зовите поскорее своего лакея, чтоб он запер за нами дверь.

Пробужденный несколько раз повторенным криком или стуком в стену кухни, старый Герасим чуть не умер от страха, при виде двух незнакомых господ в странном наряде, одного с черною, а другого с пунцовой рожею. Ивану Ивановичу удалось наконец кое-как растолковать ему, что это он и что тут бояться совершенно нечего. Тем не менее, робко и неприязненно поглядывая Герасим на гостя, подавая своему барину енотовую шубу, шляпу и калоши; а когда оба они переступили порог – хлопнул он изо всей силы дверью и, повторяя: наше место свято! направился в кухню, где и заснул крепче прежнего.

– Ваш человек, – начал капуцин, быстро схватив Росникова под руку и гигантски шагая по занесенному снегом тротуару, – ваш человек принял меня... не знаю за кого... Вероятно, за того же неистощимого проказника, который любит загнать в частое поле оставленную у ворот ухарскую тройку, между тем, как молодой купчик, хозяин лихих рысаков, жеманно приглашает горожанок прокатиться с ним; который любит утащить маленький башмачок, брошенный во время воровбы за ворота, и отозваться именем постылого человека сентиментальной барышне на спрос: как вас зовут? который любит поужинать в холодной бане с красавицей, что в полночь ожидает там суженого, и после замахнуть на нее тупым ножом, или скорчить, из-за плеч вдовы, в тусклое зеркало, чудовищную, уморительную харю. Я не говорю уже о помеле, которое подставляет он всякий раз, когда льстивая старуха хочет поцеловать впотьмах бородатого своего мужа, или об углях, насыпаемых им в карман волостного писаря, взамен добытых лихо-

имством гривенников. Я согласен, что все это ведет за собою подчас странное недоразумение, смешную тревогу или забавную ссору, но зато уж никак не более. Словом, существенного бедствия от всего этого ожидать никак нельзя.

При этих словах вошли они в швейцарскую, где Иван Иванович едва мог упросить официанта, чтоб он принял от него шубу, калоши и шляпу на сохранение, потому что ни места, ни номеров уже не было.

Поднимаясь по устланной коврами лестнице, Иван Иванович запутался в своем широком костюме и чуть было не упал; это заставило его сильно опереться на руку своего спутника.

– Касайтесь сегодня, – шепнул ему тот на ухо, – как можно легче до руки тех масок, с которыми будете ходить. Вы знаете причуду этой предосторожности?

– Нимало.

– После узнаете.

Тут капуцин остановился, чтоб отдать билеты стоящему у входа швейцару, а Росников между тем вошел в залу.

II

Будто нарочно, гармонический оркестр Лядова приветствовал появление Ивана Ивановича оглушительным tutti своих инструментов, с которым сливались шарканье, говор, и хохот, и пищанье масок. Непроходимая их толпа, стеснившаяся у входа, в одно мгновение сжала его со всех сторон, как бы желая попробовать, крепки на его члены; она двигала его за собою вправо и влево, вперед и назад до тех пор; пока не вышвырнула в спасительный промежуток двух колонн. Здесь Росников успел перевести дух и кинул беглый взгляд на то, что его окружало.

В удушливой, влажной от тысячи дыханий атмосфере носился вверху легкий, голубоватый, прозрачный дымок, в котором блистали, словно бесчисленные группы звездочек, яркие огни люстр; преломляясь в кристалльных подвесках, поражали они странным образом зрение своим радужным, изменчивым светом.

Большая часть замаскированных, хотя и были они закутаны с головы до ног, держалась стен и с непонятным наслаждением жалась к углам и выходам, где менее света и более давки, между тем, как середина залы оставалась почти пустою. Поэтическое воображение Росникова тотчас заподозрило в этом роковые тайны, драматические сцены и страстные переговоры; но сколько ни напрягал он любопытствующего слуха, однако ж не успел уловить, даже в самых темных и сокровенных убежищах, ничего, кроме очень обыкновенной фразы: «я тебя знаю, прекрасная маска», или тому подобного, для чего, казалось бы, вовсе не было нужно прибегать к таинственности.

Несмотря на безжизненное однообразие и томительную пустоту разговора, сопровождающие дам кавалеры казались необыкновенно веселыми и совершенно увлеченными обаятельною прелестью маскарада; многие из них просто хохотали во все горло, предаваясь вполне счастливому, детскому самозабвению.

Как ни было великолепно и любопытно подобное зрелище, но Иван Иванович вскоре почувствовал нестерпимую скуку, которую даже и самый Лядов не мог разогнать очаровательными звуками своих мелодий. Облекая все черным цветом печального настроения своей души, не понимал он причины слышимого им со всех сторон нервического хохота и, в простоте своего безыскусственного сердца, приписал его, наконец, излишнему расположению к щекотливости, которым страдали бедные молодые люди, толкаемые беспрестанно с обоих боков. Между ними уже отыскивал он глазами своего спутника в пунцовой личине, намереваясь дать ему порядочный нагоняй за то, что он притащил его в маскарад и отвлек тем от обычного сна, во время которого пригрезилось бы ему что-нибудь отраднее теперешних явлений. Тут заметил он черное креповое домино, которое, прислонясь к колонне, пристально на него смотрело.

С своей стороны Иван Иванович тоже уставил глаза на замаскированную незнакомку. Страшная бледность лица, резко просвечивающая сквозь нижнюю кружевную половинку маски, фосфорический блеск взглядов, исхудалый, но стройный стан, упрямое безмолвие и продолжительная неподвижность посреди общего говора и беготни придавали ей фантастический образ какого-то неземного видения. Росников оторопел и не двигался с места, будто околдованный.

Незнакомка, все еще не спуская с него глаз, медленно согнула опущенную к земле руку и подала ему букет камелий. Взволнованный до крайности, Иван Иванович приблизился и молча взял цветы.

Тогда левая рука незнакомки упала в сгиб его правой руки и они пошли в смежные комнаты, не говоря ни слова.

По временам загадочная маска судорожно вздрагивала и подавляла в груди чуть слышимый вздох; по временам озиралась она с какою-то ненавистью и страхом на суетливую толпу.

Иван Иванович не смел перевести дыхания, боясь, чтоб его призрачная спутница не улетела вверх или не провалилась сквозь землю. Вещее его сердце смутно отгадывало, что это поэтическое явление предстало пред ним только на одну минуту и никогда уже более не повторится, что эта сладостная тень, окруженная магнетическим блеском обманутой любви, сокрушенных надежд, неисцелимой скорби и безвыходного отчаяния, скоро совсем исчезнет, оставя в душе его одно грустное воспоминание, смешанное с сомнением в действительности того, что он теперь видит.

Переходя из комнаты в комнату, достигли они до отдаленного кабинета, куда немногие знали вход. Здесь, у ярко-блестящей стенной лампы, таинственная незнакомка вдруг оставила руку Ивана Ивановича и, став перед ним лицом к лицу, спросила прощающим сердце голосом:

– Жан, помнишь ли ты паше прошедшее? От этих магических звуков, в которых так и дрожали слезы, так и отзывался горький вопль погибшей страсти, обдало Росникова пламенем.

– Прекрасная маска, – отвечал он восторженным топом, – довольно слышать одно твое слово, чтоб не забыть тебя до могилы!

Как ни была удивительна эта фраза, но прелесть ее осталась совершенно потерянною для незнакомки, потому что она, при первых звуках голоса Ивана Ивановича, с ужасом отпрянула в сторону, бросилась, как стрела, вон из кабинета и исчезла в темном потоке масок.

– Вот тебе раз! – произнес с удивлением и горестью Росников. – Стало быть, эта загадочная дама приняла меня за кого-нибудь другого! Ведь в столице ровно столько же Жанов, сколько Иванов, а их не перечесть и до рассвета! Прав глубокомысленный раввин, который отвечал на все вопросы одною многозначительною частицею: «гм!». Да не чудак ли я, в самом деле? Какая женщина будет говорить со мною о прошедшем? Разве я не знаю, что у меня нет прошедшего?

III

– У меня нет прошедшего, – повторил он, более и более поддаваясь мрачному расположению своего духа, – изжив двадцать семь лет, не сохранил я ни одного драгоценного воспоминания, не имел ни одной минуты, которую бы пожелал воротить сегодня! Я вращаюсь среди людей пунша, преферанса, мелких интриг и площадных анекдотов! Я не помню ни одной радости, над которой бы сам после не смеялся...

Каждый заметит, что Иван Иванович в этом монологе преувеличивал тягость своего жребия; с другой стороны, надобно сказать правду, что круг его знакомых далеко был ниже того общества, на которое имел он право по своим знаниям, приличным манерам и очень замечательной наружности. Самые денежные его средства, состоящие в тысяче рублей серебром процентов с наследственного капитала, подстрекали в нем недовольство настоящим его положением. Другой бы, на его месте, всякий день благодарил бога за то, что дарована ему возможность удовлетворять первым житейским потребностям и маленькое ограждение от натиска фортуны, но Росников томился, как запертый в клетке. Блажь эта свойственна многим.

При всем избытке способностей, обогащенным основательным образованием, осуществлению его намерений постоянно препятствовал недостаток родства в столице; особенно же были для него губительны врожденная застенчивость, слишком мягкий нрав и отсутствие практического смысла, когда этот смысл требовался в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.